

УДК 94(437)"1918/1938"

UDC

DOI: 10.17223/23451734/10/3

ЗАДАЧИ КАРПАТОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А.Л. Петров

Резюме

Известный русский славист А.Л. Петров в своей брошюре поднимает основные, на его взгляд, вопросы, стоящие перед историографией Карпатской Руси. Под термином «Карпатская Русь» он имел в виду не всю Карпатскую Русь, а только часть ее территории – т. н. Подкарпатскую (Закарпатскую) Русь в составе Чехословакии, заранее обговорив узкое употребление данной терминологии.

Первым он считал изучение вопроса о начале Карпатской Руси, о времени поселения русинов на южном склоне Карпат. Вторым – вопрос о появлении христианства у подкарпатских русинов. Третьим – об истории карпаторусского народа.

В заключение он изложил задачи, стоящие перед исследователями. Прежде всего, это изучение источников – как средневековых венгерских, так и периода вхождения края в состав империи Габсбургов. Основные положения его работы не потеряли актуальность и в наше время.

Ключевые слова: русины, Угорская Русь, Подкарпатская Русь, Чехословакия, Карпатская Русь.

THE OBJECTIVES OF THE CARPATHIAN-RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

A.L. Petrov

Abstract

In the brochure, Alexey Petrov, a famous Russian Slavist, raises the main, in his opinion, questions that the historiography of Carpathian Rus' faces. He uses the term "Carpathian Rus'" to describe only a part of its territory – the so-called Subcarpathian (Transcarpathian) Rus' within Czechoslovakia – having specified the narrow usage of this term.

First of all, Petrov considers the question of the origin of Carpathian Rus', of the time the Rusins settled on the southern slope of the Carpathians. Further, he tells about the emergence of Christianity among the Subcarpathian Rusins and about the history of the Carpathian-Russian people.

In conclusion, the author outlines the challenges researchers face. The main challenge is the study of sources: both medieval Hungarian and of the period of the region's accession to the Habsburg Empire. The main theses of his work are still relevant today.

Keywords: Rusins, Ugri Rus, Subcarpathian Rus, Czechoslovakia, Carpathian Rus.

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Ф. Тютчев

Еще в университете (1876–1880 гг.), под влиянием В.И. Ламанского, особый интерес возбуждала во мне Карпатская¹, тогда еще Угорская Русь с ее загадочным прошлым. Возрастал интерес к ней по мере того, как я убеждался, до какой степени прошлое Карпатской Руси мало изучено; оставалось даже неизвестными, какие для ознакомления с этим прошлым существуют материалы, и где следует их искать.

Лишь в 1890 г. удалось мне во время заграничной ученой командировки пробыть около трех месяцев на карпаторусской территории. Личное знакомство с этим сохранившим в себе так много старой Руси народом, оригинальным, простодушным и доверчивым, с его выдающимися деятелями, как покойными Е. Фенциком,

¹ Относительно терминологии «Карпатская, Закарпатская Русь» позволю себе повторить высказанное в сборнике «Карпаторусские межевые названия» (18, пр.). «Подкарпатская Русь», официальный термин, взятый из стихотворения А. Духновича, не считаю вполне подходящим: 1. Карпаторусы живут не столько *под* Карпатами, как *в* Карпатах; 2. «Подкарпатская Русь» ныне обозначает только часть (правда, большую) карпаторусской территории, я же термин «карпаторусский» употребляю не в смысле административном, но *этнографическом*. «Карпатская Русь», конечно, может обозначать и Русь по северным склонам Карпат, но для последней у нас уже давно установился термин «Русь Галицкая». Когда же идет речь о Карпатской Руси по отношению к остальному русскому народу, тогда я называю ее, с точки зрения географической, «Закарпатской».

И. Сильваем (Уриилом Метеором), Р. Годинкой, В. Гебеєм, Ю. Фирцаком и др., так и ныне здравствующими старыми друзьями Е. Сабовым и К. Мачиком – все это упрочило и мой интерес, и мои симпатии к Карпатской Руси. Сильное впечатление произвела на меня также личность высокоодаренного и широкообразованного карпаторусского вождя А.И. Добрянского.

За это время удалось мне собрать довольно много нового материала. Зиму 1890–1891 г. я провел в Будапеште, знакомясь с мадьярской исторической литературой и занимаясь в Государственном и иных архивах.

По возвращении в Петербург осенью 1891 г. мне удалось в 1891–1893 гг. написать только четыре статьи о Карпатской Руси: «Угрорусские заговоры и заклинания нач. XVIII в.»; «Старопечатные книги в Мукачеве и Унгваре»; «Заметки по этнографии и статистике»; «Памятники угрорусской письменности» (рецензия на «Хрестоматию» о. Е. Сабова). Почти на 10 лет я должен был прекратить всякую научную творческую деятельность. Приготовление к лекциям по истории и литературе славян, составление грамматик славянских языков, лекции и уроки отнимали у меня все время. Только с началом XX ст., благодаря материальной поддержке нашей Академии наук, мне удалось освободиться от излишних обязательных занятий и вернуться к науке. С 1905 по 1914 г. опубликовано было мною семь выпусков «Материалов по истории Угорской Руси»².

Занятый лекциями, научными и иными работами и живя в Петербурге, я не мог, конечно, посвящать все свое время исключительно Карпатской Руси. К тому же в петербургских библиотеках не имелось очень многих изданий, вышедших в Угрии. Приходилось пользоваться только каникулярным временем для посещения Будапешта и Карпатской Руси. С 1907 по 1914 г. каждое лето я от месяца до трех месяцев проводил в Угрии в разыскании неведомых материалов. После войны, в 1923 и 1925–26 гг., прожил в Будапеште около одиннадцати месяцев. Так как мною были открыты разные новые и интересные памятники, то приходилось заняться их изучением, комментированием и опубликованием. При таких условиях о какой-нибудь планомерной и систематической работе не могло быть и речи.

Ныне, при издании десяти старейших грамот, касающихся истории Карпаторусской церкви и иерархии, я решил высказать несколько общих соображений о состоянии изучения прошлого карпаторусов. Думал я над этим долгие лета, но теперь, в последней, вероятно, в моей жизни работе, нахожу уместным поделиться с читателями выводами старого ученого.

² 1050 стр., 4 фотогр. снимка и 7 карт.

Закарпатская Русь составляет статистически небольшую часть русского народа. Источников для ее истории до половины XVII в. имеется очень мало. Тем не менее литература о ее прошлом³ *сравнительно* весьма велика⁴. Результаты, однако, довольно скудны. Исследователи все время бродили в заколдованном кругу одних и тех же вопросов.

Первый вопрос – о *начале Карпатской Руси*, о времени поселения русских на южном, позднее угорском склоне Карпат⁵. Вопрос сам по себе, с научной точки зрения, очень интересный, но его важность преувеличивалась – и преувеличивается – тем, что ему придавали *современное*, так сказать, *политическое* значение. Эта *ложная точка зрения*, как известно, очень распространена вообще у разных народов⁶ и в разных государствах. На *давности* поселения того или иного народа на той или иной территории обосновывали *историческое право* на данную территорию. Мне, признаюсь, всегда было непостижимым это, если можно так выразиться, историческое *этнографическое право*⁷. Почему если один народ поселился на такой-то территории 1000 лет назад, а другой 700 лет назад, то первый народ имеет историческое право на эту территорию, а другой, как позднейший пришелец, есть народ только терпимый, низший, как бы второразрядный, который должен в национальном отношении усту-

³ Оставляем в стороне труды по ее этнографии, диалектологии и т. п.

⁴ См. В. Францев. Обзор важнейших изучений Угорской Руси, Варшава, 1901 – к сожалению, никак не можем дожидаться нового дополненного издания; Е. Перфецкий. Обзор угрорусской историографии, Изв. отд. рус. яз. и слов. Имп. Академии наук, XIX, 1, 1915, 291 – 341 – много неточного и неверного, особенно относительно старших трудов; J. Kral. Geografika bibliografie Podkarpatske Rusi, I, 1923, II, 1928 – здесь отчасти затронута и историческая литература.

⁵ Старинную теорию о Карпатах как о *прародине* славян или вообще, или хотя бы *славян восточных* можно считать уже окончательно сданной в архив, так что об *автохтонности* русских нет нужды и распространяться. Точно так же нет никакой точки опоры относить поселение «русских», т. е., точнее выражаясь, «восточных славян» за Карпатами ко времени Атиллы.

⁶ Т. е., собственно, не у народов (чеш. lid.) а в их интеллигентских кругах.

⁷ Историческое *государственное* право есть нечто другое. Народ, создавший государство трудом, жертвами и кровью, имеет право сохранить единство государства единым государственным языком. Искусство государственной политики – найти должную границу государственного языка и языков других народностей. Без единого государственного языка разнородное государство обратится в вавилонское смешение языков. В конце концов, общим языком станет *язык чужого народа, широко распространенный в мире*.

пать первому и, как если и не высказывают – на деле очень часто и чересчур громко высказывают – то, по крайней мере, в душе думают, которому было бы самое лучшее отбросить свою народность и постепенно претвориться в народ первого сорта. Думаю, что самый *факт* существования того или иного народа дает ему право на существование⁸.

Такая *ложная точка зрения*, в Угрии особенно преобладавшая, усвоена была и образованными кругами разных народов Угрии, в том числе и карпаторусов, и придавала совершенно излишнюю остроту данному вопросу.

Я ограничусь лишь научной его стороной.

Нет никаких не только следов, но даже и намеков на *единовременное массовое поселение* русского народа за Карпатами. Очевидно, этот процесс протекал незаметно, в течение веков просачивался сюда русский элемент из-за карпатского хребта. Вопрос только в том, когда этот процесс начался. Тут видим резкое разногласие двух направлений. По одному, начало поселения русских следует отнести к VII–VIII вв., по другому, русская стихия могла проникнуть за Карпаты не ранее XII–XIII в. Причина разногласия, по-моему, лежит только в *формальном недоразумении*. «Русское» имя и в Киевском «русском» государстве медленно и поздно распространилось в народных массах. Таким образом, действительно, раньше XII в., и то, скорее, его конца, «русских» не могло быть за Карпатами, кроме военных поселений в разных частях Угрии, колоний из лиц высшего класса – княжеских дружинников. Но «восточные славяне» под разными именами, несомненно, *могли проникать и проникали* за карпатский хребет много ранее – возможно, что еще в VII–VIII вв. Позднее эти «восточные славяне» или исчезли среди других народов, или слились со своими соплеменниками, приходившими в Угрию уже с именем «русских». Необходимо только помнить об *исторической перспективе*: нельзя переносить населенность карпаторусской территории ныне и в XIX, XVIII и XVII вв. на несколько сот лет ранее. «Восточнославянская» и «русская» колонизация была весьма ред-

⁸ В гражданском праве существует так называемая *земская давность*: после известного срока владелец объекта, не осуществлявший свое право на него, теряет это право. Должна же быть такая давность и для исторического *этнографического* права. Полагаю, что если народ, занимавший территорию 1000 лет, за 700 лет не претворил в себя другой народ, то *для права первого уже несколько столетий наступила земская давность*. Такая же земская давность должна быть и для исторического государственного права – иначе на мировых конгрессах надо бы вернуть Балканы и две трети Угрии туркам, а восток и юг бывшей Европейской России монголам.

кая и на подгорье, и в долинах рек. Самые же лесистые горы долго, до XIII–XIV вв., оставались почти незаселенными, кроме немногочисленного, главным образом, пастушеского кочевого обывательства. Не следует забывать и о существовании широкой незаселенной полосы между «засеками» с одной стороны Угрии, с другой – Польши и Галичины.

Перейдем к другому вопросу – о *начале христианства у карпаторусов*.

И внешний облик территории Карпат⁹, и постепенность ее колонизации «восточнославянским» и «русским» элементом, и редкость населения уже сами по себе исключают вопрос о начале христианства на Карпатской Руси. Что нельзя его связывать с сомнительными Паннонскими епископствами, само собой ясно, но нельзя его относить и ко времени св. Мефодия – не говоря уже об отсутствии каких-либо на это доказательств. Такого приблизительно *единовременного* обращения в христианство русского народа в Закарпатье *не было*. «Восточные славяне» приходили туда еще язычниками и понемногу поддавались влиянию своих соседей христиан. «Русские» приносили с собой из-за Карпат «русскую», православную веру, а, возможно, и русское духовенство. О какой-нибудь *иерархии, центр* которой лежал бы на территории *Карпатской Руси*, нет никаких известий до конца XV в.

Третий вопрос – об *истории карпаторусского народа*.

Чешский термин «*dejiny*», польский «*dzieje*» = русскому слову «деяния», обозначает, собственно, политическую историю. Исследователи некарпаторусы и карпаторусы стремились *найти* такую *историю, найти* и ее *героев*. В народных массах подобного рода преданий не было и быть не могло, надо было, значит, исходить от дошедших до нас памятников по истории Угрии вообще. Краеугольным камнем такой *будто бы политической истории* послужила подложная грамота, составленная во второй половине XVI в. от имени князя Феодора Кориатовича и датированная 1360 г. Официальная Угория в конце XVII в. торжественно признала ее за подлинную, и вера в это держалась более двух столетий, держится и теперь у значительной части карпаторусского общества. Уже с начала XVIII в. имя Феодора Кориатовича стало обрастать легендами. С конца же XVIII в. из одиночных, отдаленных друг от друга иногда на столетия известий – по большей части из малодостоверных источников, при помощи ученых комбинаций, произвольных толкований, иногда тенденциозных вымыслов была создана эта политическая история: у русских, поселившихся за Карпатами если не ранее мадьяр, то, по крайней

⁹ Даже в XI в.

мере, одновременно с ними, еще в начале XI в. существовала «Русская Краина = Украина»; она имела своих воевод - герцогов, даже из королевского дома, пользовалась автономией, и только с конца XV в. русские утратили свои привилегии. Нашлись и *герои* этой истории: «русский воевода» 1299 г., «русский воевода Петр Петрович», главное же – независимый или полунезависимый «Божиею милостию князь Мукачевский Феодор Кориатович».

У образованных представителей народа угнетенного совершенно естественно и понятно желание найти хотя в прошлом утешение. Русский народ, однако, не должен бояться правды. *Политическая история* карпаторусов есть только *иллюзия*, только *мираж*. Для *современности* и для *будущности* ни этот мираж, ни просвечивающие через него силуэты героев не могут принести пользы и не имеют никакого значения. Ни на кого не действуют ссылки на прошлую будто бы автономию Карпатской Руси. *Факт существования ныне карпаторусского народа, его добровольное присоединение к Чешско-словацкой Республике, международные договоры* – вот что обеспечивает право Карпатской Руси на автономию.

Но упомянутый мираж не только лжив и бесполезен, но и *вреден*. Вреден он, во-первых, потому, что заставлял всех исследователей влачить за собой заколдованную цепь «quasi-документарных» известий, тратить силы и время на разные о них предположения и комбинации. Вреден мираж, во-вторых, – и *это самое главное* – потому, что *тени мнимых героев старины заслоняли от исследователей настоящего карпаторусского героя* – карпаторусский народ.

В этом народе не было *магнатов* – немногие магнаты, вроде Ростислава Михайловича, Льва Даниловича, Феодора Кориатовича, были кратковременные пришельцы, интересы которых лежали вне Угрии. В этом народе не было влиятельного и богатого *дворянства* – пробившиеся единицы утонули в общеугорском дворянстве, а низшее дворянство, военные люди, прежние «*jobbagyones castri, libertini*» и т. п. и наследственные «*князья*» – шолтысы все более приближались к крестьянству. Не было в карпаторусском народе *прелатов*, первого сословия в государстве – мукачевский епископ-игумен был бедняк, отданный на произвол владельцам доминий. Не было в карпаторусском народе обеспеченного привилегиями *городского сословия*, выросшего из иноземных гостей – карпаторус, пахарь или пастух, проживал в селах, в городах представлял лишь чернорабочую силу. Карпаторусский народ состоял из *двух* одинаково поработанных, одинаково приниженных *элементов*: *крестьяне* и их *духовные лица*, или, как их презрительно называют урбары, «*батьки*» (*batykones*).

Понятно, что такой народ в сословном феодальном государстве не мог творить какие-либо «деяния»¹⁰, мог только на себе, на своей шкуре *терпеть, испытывать, переносить* «деяния», совершавшиеся в Угрии. Думаю, что к нему с полным правом могут быть приложены приведенные в начала строфы Тютчева. И этот *безвестный герой*, этот, как теперь говорится, *«неведомый воин»* *через века угнетения и страдания уберег до XX века свою русскую душу, свои русские обычаи, свой русский язык и свое русское имя!*

Было бы лишь справедливой отплатой этому герою со стороны его интеллигенции не только теплая и одушевленная забота о нем и работа на его пользу, но и старание изучить и объявить на свет Божий его прошлое – разумею изучение *действительной* его истории: *истории социально-экономических отношений*, отбросив ненужный хлам старой книжной учености.

Точно так же и относительно карпаторусской церкви.

И здесь наибольшая заслуга принадлежит не Феодору Кориатовичу, бывшему князю Подолья, угорскому магнату, королевскому надзупану, крупному помещику, основавшему или одарившему *свой частный монастырь*, но не *позаботившемуся* об *обеспечении законным* путем его прав и имущества, а тем *безвестным* лицам – будь то епископ-игумен монастыря, или просто игумен, или какие-нибудь члены монашеской братии, которые охраняли монастырь во время смут первой половины XVI в., которые сумели восстановить его из развалин, вернуть туда разбежавшихся монахов или же привлечь туда новых; тем *полубезвестным* лицам, которые потом постоянно хлопотали о приобретении средств для содержания монастыря и братии и сберегли монастырь до более благоприятных времен. Руководила ими не только мысль о мирских благах (!) – нельзя, впрочем, назвать мирскими благами скромные средства, чтобы только не умереть с голоду. Не могли же они не руководиться и *заботами о вере и церкви, заботами, чтобы не угас тот очаг, который был центром духовной жизни карпаторусского народа!*

Что касается истории Карпаторусской церкви и иерархии, то изображение ее возможно только со второй половины, главное же – с конца XVII ст., когда, вследствие интереса высших сфер к делу унии, возникает большее число материалов. От предшествующего периода, с половины XVI и до половины XVII в., дошло до нас лишь малое количество разрозненных документов, которые могут осветить только некоторые эпизоды из истории иерархии. С 1498 г. до

¹⁰ Кроме участия в разных массовых движениях, вроде куруцев 1514 г. или восстания Франца II Ракоци, но ни один карпаторусский исследователь этим и не думал заняться.

1551 г. – полная тьма, нет никаких известий. Из 10 грамот с 1391 до 1498 г. извлечь можно очень немного. Тем не менее так как «русская» вера и «русская» церковь не только спасала души отдельных людей, не только утешала народ в его горе и нужде, но, *слившись воедино с русской народностью, охранила ее от национальной гибели*, то поэтому мы должны высоко ценить уцелевшие до нас обломки документов о ее прошлом. Задачей историка карпаторусской церкви является осветить эти обломки путем широкого применения *аналогии* с историей православной церкви у румын – главным образом, в Трансильвании и Угрии, и у русских – в Галичине и вообще в польско-литовском государстве¹¹ и постараться извлечь из документов *все*, что можно, остерегаясь, однако, давать волю фантазии и извлекать из них *более* того, что в них находится. Предлагаемая работа является опытом такого использования десяти старейших грамот.

В заключение позволю себе вкратце наметить задачи, стоящие перед настоящими и будущими исследователями истории Карпатской Руси.

До XVII в. документальный материал является очень скудным, но скудным, может быть, не столько сам по себе, сколько потому, что мало заботились о его увеличении¹².

1. Прежде всего, необходимо составить *регесты документов*¹³, уже напечатанных в разных их сборниках, вроде «*codices diplomatici*»¹⁴, как общеугорских, так и отдельных столиц, дицез, городов, дворянских фамилий и т. п., в научно составленных их монографиях и т. п., *регесты о поселениях*, которые или *всегда были и остались русскими*, или с течением времени *сделались русскими*, или, бывши *ранее русскими, утратили свою народность*¹⁵.

2. Из такого рода регест следует выбрать *точные указания на*

¹¹ Русь Московская меньше дает для аналогий. Там православная церковь была почти единственной христианской церковью. Христиан-иноверцев было очень мало, и те были иностранцы (поэтому название православной церкви «господствующей» в Московской Руси не является подходящим).

¹² Для столетий XIII и предшествующих нельзя, конечно, об этом и думать: «*ex nihilo nil*».

¹³ Но, конечно, регесты, исчерпывающие все существенное.

¹⁴ Обращаю внимание на *Acta diaetalia* сеймов Угрии и Трансильвании.

¹⁵ В таком направлении работает теперь почтенный труженики о. В. Гаджега в «Науковом зборнике» и «Подкарпатской Руси». К сожалению, далеко не все нужные издания имеются в Ужгороде. По слухам, такие регесты будто бы уже составлены А. Годиной, но правда ли это и увидят ли они когда-либо свет, неизвестно.

время основания отдельных церквей или хотя бы на время первого упоминания о них, а также о их причте. Указания регест должны быть дополнены данными, сохранившимися в метриках, протоколах и т. п. церквей, а также в местных преданиях.

3. Пересмотреть описания Угрии как людей местных, так и чужеземных путешественников¹⁶ и исчерпать все, касающееся карпаторусской территории. Кроме данных этнографических, социально-экономических и т. п., надо попробовать, применяя непременно регрессивный метод, т. е. исходя от ближайшего к нам времени к более и более отдаленному, восстановить внешний облик страны в разную пору, выяснить пределы полонин, залесенной и культивированной площади, состояние горных перевалов, проходов, дорог, бродов, глубину рек, ширину их разливов, пространства, занятый болотами и т. п., одним словом, дать историческую географию¹⁷ Карпатской Руси. Между прочим, было бы важно установить, где когда проходила черта «засек», «indagines».

4. Собрать все написанные кириллицей¹⁸ мелкие памятники от древнейшей поры до начала возрождения Карпатской Руси, как уже опубликованные Петрушевичем, Кралицким, Панькевичем и др. в карпаторусских, галицких и иных изданиях, так и находящиеся в частных руках¹⁹ или вообще где-либо лежащие под спудом²⁰.

Конечно, указанные задачи могут быть выполнены преимущественно лицами, находящимися в крупных центрах с богатыми библиотеками.

Но этого мало. Несмотря на изумительное рвение мажарских ученых учреждений и отдельных деятелей науки в изучении ар-

¹⁶ М. пр. дает перечисление путешествий: Szamota I., Regi utazasok Magyarorszagon, 1054-1717, Bst, 1891.

¹⁷ Следует изучить и старые карты Угрии или ее частей.

¹⁸ Иногда, впрочем, и латинкой на русском или смешанном русско-словенском языке (особенно из словенско-русской территории, м. пр., хранящиеся в городском музее в Бардееве), в том числе и «fassiones colonorum» в урбариальных документах (о них см. ниже).

¹⁹ Кое-что из своего собрания показывал мне А. Годинка.

²⁰ Большую пользу могут принести местные любители науки, если займутся систематическим собиранием таких мелких памятников, легко подвергающихся утрате: церковные метрики, протоколы церквей, иногда истории приходов, церковные визитации, старые антиминсы, ставленнические грамоты, записи на церковных книгах и т. п.; протоколы сельских общин, «Memorabilia» местных деятелей, рукописные истории отдельных поселений или округов и т. п. Особенно следует обратить внимание на хранящиеся во многих крестьянских семьях старые «княжеские-шолтыские» грамоты, грамоты мелких дворян, либертинов и т. п.

живов, в собирании и опубликовании документов²¹, очень многое и очень важное для Карпатской Руси было оставлено в стороне. Научный интерес упомянутых учреждений и лиц сосредоточивался, главным образом, на том, что проливало свет на общую историю Угрии, на историю столиц, как «universitates nobilium», на историю и генеалогию дворянских фамилий, на историю католических и протестантских церковных провинций и институций, на историю городского сословия и т. п. «Misera contribuens plebs» – податное сословие стало привлекать на себя некоторое внимание только разве в последние десятилетия²². Поэтому необходимо предпринимать *систематические розыски и в архивах*²³.

Все вышесказанное касается *вообще* истории Карпатской Руси. Перейду к *истории* собственно *социально-экономических отношений*.

²¹ Впрочем, преимущественно до 1526 г.

²² Особенно много работал в этом направлении †Acsady I., но труды его далеко не надежны (см. мои Материалы для истории Угор. Руси, VI, 297–301 и Pôispëvku k hist. dem. Slovenska, 58–59 и пр.); тем не менее с ними необходимо познакомиться. Укажем важнейшие: Magyarország nepessege a pragmatika sanctio koraban, 1720–1721 (Население Угрии во время Прагматической санкции, 1720–1721), Bst., 1896; A magyar jobbágyság története (История крестьянства в Угрии), Bst, 1906; более мелкие: Kösgazdasági állapotaink a XVI és XVII sz., Bst, 1889; A magyar jobbágyság nepessege száma a monacsi vesz után; A magyar nemesseg és birtok viszonyai vesz után; Regi magyar birtok viszonyai 1414–1518; A jobbágyság adoza 1577–1597; A magyar adoza története 1598–1604 (последние пять статей в Ertekezések a tört. tud. köréből, XIV, №№ 3, 9, XVI, №№ 3, 8, XX, № 6, 1889–1906.).

²³ Укажу особенно на два разряда документов, сообщающих, так сказать, попутно и между прочим, иногда очень интересные бытовые и исторические данные: 1. Обходы границ владений – «ambulationes, reambulationes possessionum, metarum, metales» – вообще же они важны для изучения внешнего облика страны и истории межевых названий; 2. Опросы обывателей (не на судебном разбирательстве, а для проверки того или иного факта) – «inquisitiones testium, de iuribus» (т. е. допрос обывателя «de eo utrum», видел, слышал, знал?) «inquisitiones» (см., напр., Hodinka, Okmánytar, №№ 65, 74, 89 и т. д. Протоколы составлены обыкновенно по-мадьярски).

Здесь не место перечислять архивы; отсылаю читателей к моим Мат., VI, 274–284. Укажу еще на небольшой архив викариатства в Мармарошском Сиге, важный для второй половины XVIII в., преимущественно для времени епископа Андрея Бачинского. Для истории церкви следовало бы вообще просмотреть архивы церковных институций в Галичине (особенно Перемышльской епархии), Буковине, Румынии (преимущественно Сучавской митрополии; теперь он, по-видимому, в Москве) и Трансильвании.

В этой области, в области именно *настоящей истории* карпато-русского народа, т. е. *крестьянства* и *сельского духовенства*, до сих пор, можно сказать, *ничего не сделано*, хотя документы имеются в *большом изобилии* – урбарияльные²⁴ документы Марии Терезы и разного рода *переписи податного населения Угрии*²⁵. Документы эти, правда, начинаются лишь с половины XVI в.²⁶, но их изучение даст твердую опору для правильного понимания и освещения скудных и разрозненных известий более ранней поры. С половины XVI в. в последующие столетия до конца XVIII в. количество документов быстро возрастает, и уж никак нельзя жаловаться на его недостаточность²⁷.

Перечислю разные разряды таких документов²⁸:

²⁴ Урбар, мад. *urber*, лат. *urbarium* происходит от мадьярских слов: *ur* = господин и *ber* = плата, подать. Урбар – документ о податях и повинностях крестьян помещику.

²⁵ Три урбара Унгварской доминии в разных местах использовал Bidermann, *Die ungarischen Ruthenen*, I–II, 1862, 1867 (см. I, *Quellensverzeichnis*, XII). Lehoczky, *Bereg varmegye monografiája*, I–III, 1881, *Bereg varmegye gör. kath. Lelkeszsegek története*, 1904, приводит много отдельных данных из доминий Мукачевской и Чинадеевской (Sz. Miklos) Бережской ст. XVII в. Более всего и из большего числа доминий столиц Мараморошской, Бережской, Ужанской, Земплинской и Шаришской сообщает материал из урбаров *Hodinka, A munkacsí puspöksegek története*, 1910, 722–728, *Adalekok az ungvari var es tartománya es Ungvari varos történetéhez*, 1917, *passim*, и «Утцюзнина, газдуство и прошлость южнокарпатских русинов», после 1918, 19–24 и 69–101. Все это, однако, так отрывочно, неполно, касается лишь небольшой части доминий карпаторусской территории, выхвачено так случайно из урбаров разных годов, что из такого материала нельзя сделать какие-либо выводы.

²⁶ От предшествующего времени уцелели только кое-какие обрывки.

²⁷ В наибольшей полноте они имеются, конечно, в Государственном архиве в Будапеште (*Országos levéltár*), но дубликаты сохранились и в архивах столичных, иногда городских, а также доминиальных (особенно урбары).

²⁸ Я давно уже указывал на чрезвычайно важное значение их. Я познакомился в 1890 г. в Ужгороде и Будапеште с урбарияльными терезианскими документами и упомянул о них в первый раз в докладе в Этнографическом отделении СПб. Географического общества 19 ноября 1891 г., напечатанном в ЖМНП, 1892, № 2, потом в рецензии на хрестоматию о. Сабова, *ib*, 1893, № 10. В 1907 г. я приехал в Будапешт специально для изучения урбарияльной реформы Марии Терезы. С 1907 по 1910 г. я главными образом занимался в Будапеште урбарами и другими разрядами конскрипций. Собранный мною значительный материал был использован в *Мат.*, V, 1908 г. и *Мат.*, VI, 1911 г. Но, приезжая в Угriu лишь на короткое время в поисках разного рода материалов, я, само собой разумеется, не мог взять на

1. Документы, связанные с урбариаальной реформой Марии Терезы. Из них для нашей цели имеют особое значение:

a) *Tabellae, anteurbarialem statum ex conscriptionibus et ad 9 puncta interrogatoria elicitis colonorum fassionibus erutum exhibentes*. Это сводные таблицы как по каждой столице, так и по ее округам и крупным доминиям, сведений о платежах и повинностях крестьян до урбариаальной реформы, таблицы, представляющие своды данных из переписей, которые производили правительственные агенты во время подготовки реформы, и из ответов самих крестьян о их податях и повинностях. Кроме того, в таблицах перечислены разного рода «maleficia et beneficia» – о качестве почвы, о климатических условиях, о заработках и побочных занятиях крестьян и т. п. Значение таблиц увеличивается еще тем, что многие conscriptiones и fassiones не сохранились.

b) *Ad novem puncta interrogatoria fassiones colonorum* – ответы крестьян, иногда изложенные на народном языке.

Эти документы – очень важный материал, знакомящий нас с основанными часто на обычае, и иногда очень давнем, податями и повинностями крестьян. Такой материал необходимо целиком и должным образом использовать. На него следует опираться и от него исходить при изучении переписей предшествующего времени.

2. Общегосударственные переписи 1715 и 1720 гг. Кроме таблиц, представляющих размеры наделов и платежей и повинностей разных категорий крестьян, мы найдем в них и сведения по истории поселений, их исчезновения или основания, «malefica et benefica» и т. п.

3. *Conscriptions dicales* – переписи столиц, производившиеся органами самих столиц с целью раскладки королевской, принятой сеймом подати – dica, мад. rovas. Наряду с дворянами не заносились в эти переписи и низшие многочисленные слои мелкого дворянства, не дворяне, живущие на дворянских землях, а также беднейшая, немущая часть податного населения.

4. *Urbaria et conscriptiones* отдельных доминий или их частей имеют особенную важность. Они захватывали и те элементы, которые не затрагивались общегосударственными переписями. Доминиальное управление заботилось, чтобы от него не ускользнул какой-либо доход деньгами, натурой или работой каждого живущего

себя систематическое изучение только переписей. Это дело таких лиц, как покойные Легоцкие Михальи, которые долгие годы, оставаясь спокойно у себя дома, работают в находящихся у них под рукой архивах. Подробности о урбарах и конскрипциях читатели найдут в Мат., V, 1908, 8–21, VI, 1911, 16–19, 284–303 и Prispevky, 1928, 36*–46*.

на помещичьей земле. Кроме того, в этих переписях, производившихся лицами, близкими к народу, можно найти больше разного рода замечаний, характерных для положения последнего.

Обработка такого обильного материала представляет, несомненно, большие трудности. Кроме знакомства с общими сочинениями по истории социальной, экономической и хозяйственной, необходима осведомленность с историей податного населения в Угрии вообще, с системой податей, а также с обычными в Угрии в разную пору и в разных местах мерами, монетными единицами. О последних важно знать не только их отношение к нынешней валюте, но их покупательную силу, их отношение к стоимости продуктов.

В конце концов, видно, что «*жатва многа*». Должно надеяться, что найдутся и «*делатели*»!

Прага, 1930

Проф. д-р А. Петров

Источник: Петров А.Л. Задачи карпаторусской историографии. Прага: Тип. «Česká grafická Unie a.s.», 1930. XVII с.

Source: Petrov A.L. (1930) Zadachi karpatorusskoi istoriografii [The Objectives of the Carpathian-Russian Historiography]. Prague: Typography "Česká grafická Unie a.s.". XVII p.

Петров Алексей Леонидович (1859–1932) – русский славист, профессор (1887), доктор славяноведения (1911). Изучал историю Угорской Руси (Подкарпатской Руси) и местного русинского населения. В 1884, 1885, 1890, 1897 и 1911 гг. посещал славянские земли. После революции в России работал ученым-корректором ОРЯС АН. В 1922 г. эмигрировал в Чехословакию, поселившись в Праге. Почти ежегодно приезжал на Подкарпатскую Русь, продолжая сбор материалов в библиотеках Ужгорода и Мукачева. Сотрудник Русского заграничного архива (Прага).

Alexey Leonidovich Petrov (1859–1932) was a Russian Slavist, professor (1887), doctor of Slavic Studies (1911). He studied the history of Ugric Rus' (Subcarpathian Rus') and of the local Rusin population. In 1884, 1885, 1890, 1897 and 1911, he visited this region to conduct research. After the revolution in Russia, he worked as a proofreader for the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy

of Sciences. In 1922 he emigrated to Czechoslovakia, settling in Prague. He came to Subcarpathian Rus' almost every year to continue collecting research materials in the libraries of Uzhgorod and Mukachevo. He was an employee of the Russian Foreign Archives (Prague).